

УДК 009:168.522

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ: ИДЕОЛОГИЯ И НАУКА*Александр Афанасьев, Ирина Василенко*

Среди факторов, формирующих историческую память, главная роль принадлежит идеологии и науке, при преобладающем значении идеологии, особенно во времена «перезагрузки» исторической памяти. Поскольку идеология выражает определенные интересы, возрастает опасность неадекватности исторических оценок. Необходимо повысить роль объективной и беспристрастной науки в процессе формирования исторической памяти.

Ключевые слова: историческая память, идеология, наука.

Феномен исторической памяти привлекает внимание исследователей по разнообразным поводам. В Европе и США это связано с деятельностью ветеранских обществ, организацией мемориальных выставок, обсуждением новых документов об историческом прошлом, юбилеями знаковых событий [1; 2; 9]. На постсоветском пространстве историческая память связывается с празднованием всевозможных государственных юбилеев или попытками выработки некоторой объединяющей идеологии, или проблемой национальной идентичности [5; 11]. В советское время ею интересовались в культурологическом плане [7]. Вопросы исторической памяти актуальны в современной Украине и в связи с проблемой формирования украинской политической нации, и в рамках процесса декоммунизации, и на пути раскрытия преступлений тоталитарного режима, и ликвидации белых пятен отечественной истории. Да и обсуждение резонансных мероприятий Украинского института национальной памяти свидетельствует об этом.

Историческая память многогранный конструкт. Она наличествует как в индивидуальном сознании, так и в общественном, как в различных текстах, так и в вещественных объектах. Сформировавшись в ходе социализации личности на основе полученного образования и личных впечатлений, историческая память постоянно подкрепляется новой информацией и различными материальными памятниками, но также она периодически, хотя и не часто, «перезагружается» под воздействием множества факторов. Прежде всего, отбор того, что следует помнить в качестве исторического знакового события, производит сам индивид. Однако он подвержен влиянию тех воздействий, которые формируют историческую память и через него, и непосредственно. Это и литература, и СМИ, и политика, но в первую очередь идеология. Среди формирующих память феноменов науке, как историческим, так и другим социально-гуманитарным дисциплинам, отводится неоправданно малое место. Как носители памяти, так и субъекты, формирующие ее, к науке прибегают нечасто. Тем более, что в обыденном сознании историческая память и историческая наука практически не различаются, из-за чего, в частности, пользуется популярностью безграмотный лозунг «нельзя переписывать историю!». А ведь историю приходится и дополнять и переписывать в связи с обнаружением новых документов или в

связи с обнаружением ошибок и прямого обмана относительно исторического прошлого.

Историческая память соотносится с культурной памятью, а также с существовавшей ранее и существующей в настоящем времени социальной и культурной реальностью. Вот почему к ней имеют отношение практически все гуманитарные дисциплины. Между тем, в многообразии публикаций об исторической памяти [10] легко заметить, что, во-первых, проблемой интересуются в основном историки, хотя это, как минимум, комплексная проблема, во-вторых, недостаточно внимания обращено на методологические проблемы, как то в вопросе соотношения идеологии и науки в исторической памяти, где немало несовпадающих теоретических позиций, например, о том, должна ли история быть патриотичной, должны ли научные тексты иметь целенаправленную воспитательную составляющую, должна ли гуманитарная наука обслуживать политику, или обязана быть объективной. Однако преобладает обсуждение методических и практических проблем [6], которые без решения теоретико-методологических вопросов не выглядят достаточно убедительными.

Необходимо привлечь внимание широкого круга ученых-гуманитариев к методологическим проблемам истории и в частности, исторической памяти, особенно по вопросу соотношения идеологии и науки в формировании и «перезагрузке» исторической памяти. Последнее обстоятельство и определило цель данной статьи.

Историческая память весьма сложное образование и по содержанию, и по происхождению, и по функциям, и по предназначению. С одной стороны она отражает историческую реальность, но с другой – искусственно конструируется. Память имеет объективную основу, поскольку говорит о реальных событиях, но включает субъективные домыслы, легенды, мифы. Она опирается на достоверные, зафиксированные наукой свидетельства, но также и на сомнительные, а то и выдуманные или сфальсифицированные данные. Историческая память включает рациональные аргументы и выводы, но при этом эмоционально окрашена, из-за чего обсуждение отдельных проблем чрезвычайно болезненно. Она включает предметы гордости, но нередко и стыда. Память включает все важное, но при этом тщательно отобранное, из-за чего многое из важного оказывается забытым. Она отражает массовое сознание, но также есть плод творчества теоретиков. Память включает ценности, но также и нейтральные научные факты, содержит общечеловеческие ценности, но также и ценности узкогрупповые. Память в чем-то консолидирует общество, в чем-то разобщает его. Она включает обыденный опыт, но также и сложную рефлексию. Историческая память результат научных исследований, но также и плод усилий идеологов.

На первый взгляд кажется даже, что в виду этой сложности и противоречивости представить историческую память как систему весьма проблематично. Специалисты по теории систем, правда, уверены, что в виде системы можно представить что угодно. И это справедливо. Вопрос лишь в том, имеет ли смысл делать это. Действительно, в случае таких сложно-

противоречивых объектов как историческая память системные представления, похоже, мало прояснят суть дела. Во всяком случае подобные попытки не предпринимались.

Носителем исторической памяти являются индивиды, входящие в некоторое сообщество людей: человечество, этнос, народ, нацию, определенную социальную группу типа касты, класса, профессии и пр. К каждому из этих вхождений индивиды помнят приблизительно одно и то же, что позволяет осуществлять соответствующую идентификацию. В этом смысле историческая память выполняет важную функцию. Она позволяет личности решить проблему идентичности, а многим социальным образованиям решить проблему легитимности.

Отбор того, что подлежит запоминанию и увековечиванию в текстовых и вещественных формах, производится различными социальными образованиями, способными представлять ключевые смыслы исторической памяти. Среди них системы образования и воспитания: от школьных учебников до музеев и топонимики, художественная литература и искусство, в том числе народное творчество в самом широком смысле слова: от былинных песен до бытовых поделок. В эти образования определяющим, но не равноценным способом вписываются идеология и наука. В частности, идеология поставляет определенные ценности и отвечает за их осмысление и пропаганду, наука поставляет исторические факты и отвечает за их объяснение с помощью теорий.

Хорошо, если ценностные установки идеологии имеют общечеловеческое, гуманистическое содержание. Они включают уроки прошлого, которые не должны быть забыты, формы уважения к историческим деятелям и их общечеловеческим достижениям, что предполагает относительно нейтральное и спокойное эмоциональное отношение. Но есть там ценности более эмоционально нагруженные, включающие способы осуждения преступлений против человечности, формы скорби и почитания погибших, способы почитания и возвеличивания борцов со злом, несправедливостью. Есть и ценности, затрагивающие этнические, национальные, сословные, групповые интересы, окрашенные сильным эмоциональным зарядом. Они становятся способом самоуважения, а то и возвеличивания, особой гордости, и нередко фокусом поиска идентичности. Таким образом, историческая память включает те или иные ценности и ценностные ориентиры, что обеспечивает им огромное воспитательное значение. Таковыми феноменами стали Холокост, Голодомор, Победа над фашизмом и пр. Но нередко, ценности, определяющие то, что называют исторической памятью человечества или народа выражают узконациональные или вообще узкогрупповые интересы, не совпадающие с общечеловеческими ценностями и даже противостоящие им. Тогда за историческую память идеология выдает сконструированный миф, не только далекий от реальности, но и порой вредный для самих носителей данного мифа.

В отличие от науки, которая стремится к объективности и поэтому к полноте охвата свидетельств, идеология всегда избирательна и соотносит память с забвением. Забыванию подлежит то, что не соответствует идеологическим соображениям. Например, вина власти или всего народа, если и запоминается, то

объявляются недоразумением, трагической индивидуальной ошибкой и часто оправдываются обстоятельствами. Главная вина, как правило, возлагается на других: соседей, врагов, поработителей и пр. «Общий» опыт обычно героизируется. В редких случаях историческая память включает в себя осознание преступности или стыда, или вины, но это происходит за счет особой «правильно понятой» исторической конструкции.

Формирование и функционирование исторической памяти протекает, в основном, весьма спокойно через сложившиеся социальные формы и методы. В такое спокойное время индивиды и социальные группы скорее объекты, чем субъекты исторической памяти, поскольку усваивают «памятные» вещи, осмысливая, а не переосмысливая их. Индивидуальный опыт, оседающий в памяти индивидов, чаще всего подчинен общей исторической памяти или отдельным ее фрагментам, из-за чего люди весьма часто, если не всегда, помнят не то, что пережили, а то, что по этому поводу слышали, читали, видели в телевизоре и кино. Но периодически в социуме в результате революций или иных радикальных социально-политических преобразований требуется срочная «перезагрузка» исторической памяти. Это происходит по разным причинам. Одна из них, пожалуй, главная, состоит в том, чтобы приспособить историческую память к решению новых задач: от новой идентичности до новой легитимности. Тут решающая роль принадлежит идеологии, которая выдвигает новые идеи и через государственно-политические структуры проводит их в историческую память. Например, в школьные программы вводятся новые темы, в литературу новые герои, в топонимию новые имена. Какие-то индивиды или группы некоторое время сопротивляются, но обычно безуспешно. Тот факт, что старшее поколение, носитель прежней исторической памяти, не сразу перестраивается, практически ничего не значит. Новое видение истории в общественном сознании начинает преобладать довольно быстро. И если кто-то по старинке называет улицы по-старому, это отнюдь не является свидетельством протестных настроений. Смешно выглядели потуги некоторых политиков в независимой Украине обосновать ностальгию населения по Советскому Союзу тем, что многие граждане гривну называют рублем.

Очевидно, что в формировании исторической памяти огромная роль принадлежит науке, в частности историческим дисциплинам, этнографии, культурологии и другим. Они обнаруживают те или иные факты, строят объясняющие теории, осуществляют популяризацию сложных научных построений. Через учебную и популярную литературу, СМИ и другие информационные каналы научные знания, порой упрощаясь и искажаясь, входят в обывденное и теоретическое сознание и оседают в исторической памяти. Параллельно науке существуют, развиваются и распространяются околонучные представления, поставляемые любителями и плохими профессионалами, которые уже существенно искажают научные представления, но которые пользуются большим влиянием в силу простоты для понимания, интересного выражения или оригинального видения исторических эпизодов. Вненаучные идеи также воспринимаются массовым сознанием и внедряются в историческую память в виде всевозможных мифов. Впрочем, многие мифы возникают «между строк»

научной литературы, особенно, если она преследует, казалось бы, высокие цели воспитания благородства, свободолюбия, патриотизма и других достоинств на исторических примерах. Сказанное не означает, что нужно искоренять исторические мифы. Напротив, важно подчеркнуть их реальное воспитательное, эстетическое, нравственное и прочее значение. Однако, образованный человек обязан различать миф и реальность и не должен жить внутри мифа. Важно также не допустить, чтобы мифотворчество стала государственной политикой.

Неадекватность и даже опасность исторического мифа некоторые исследователи видят в его неверном отражении действительности, определяя его как ложь. И все же миф не ложь или не совсем ложь. Ложь есть преднамеренный обман, сокрытие истины. А миф есть не критическая вера в некоторые символы и нарративы, наделяемые статусом реальности при незнании истинного положения дел или при отсутствии истинного знания вообще. Ложь здесь подключается заинтересованными лицами, когда они скрывают истину или объявляют истину ложью, а миф истиной, причем сами обычно в это верят.

Но решающее значение в формировании, и особенно в «перезагрузке» исторической памяти имеет идеология. Выражая интересы пришедшей к власти элиты или преобразователей-реформаторов, идеология представляет частный интерес как общезначимый: общечеловеческий, общенациональный и т.п. Этому служат соответствующие ценности, взятые на вооружение из общечеловеческого или национального арсенала, или специально придуманные. Они имеют обычно очень серьезное теоретическое обоснование, что в целом неудивительно, поскольку идеология есть часть именно теоретического сознания. В этих целях создаются новые или используются имеющиеся политические, юридические, нравственные и даже эстетические теории, нередко и философские доктрины, используются экономическое обоснование и пр. Возникает иллюзия научности такой идеологии, и показать ее ненаучность в каких-то деталях невероятно трудно, а для общего опровержения требуется длительное время.

Таковой, в частности, была марксистская идеология, которая провозглашала красивые общечеловеческие идеи народного счастья, свободы, прогресса, развития личности и пр., о чем мечтали многие поколения мыслителей и простых людей. Причем, честно провозглашалось, что это частный интерес одного класса, но он совпадает с объективным ходом исторического развития, поэтому может считаться общечеловеческим. Была выстроена и философская концепция исторического материализма, и историческая теория закономерной смены общественно-экономических формаций, и соответствующая экономическая теория. Использовались лучшие достижения философской и научной мысли той эпохи [4]. В свое время о достижениях марксистской концепции было сказано немало, в советское время, естественно, с огромным преувеличением, а в постсоветское время указано и немало недостатков, нередко, также с преувеличением. Однако и сторонники, и противники, часто забывали, что марксизм был прежде всего идеологией, хотя и очень похожей на науку. Отвлечемся от того, что именно хотел создать К. Маркс, а он, похоже, не собирался строить идеологическую и даже философскую систему, полагая, что его концепция найдет себя в отдельных науках. Будем иметь в виду то, что

получилось. А получилась именно идеология, то есть, по выражению самого Маркса извращенное, ложное, иллюзорное сознание [8, с.25]. И в марксистско-ленинском варианте она развивалась именно как идеология с привлечением мифов, нарративов и метанарративов, хотя тратилось немало сил, чтобы доказать ее научность. Трагизм советского периода нашей истории есть наглядная демонстрация того, что может произойти, когда идеология подчиняет себе науку. Естественно, это лишь один штрих нашей истории, но он – значимый.

Сейчас уже очевидно, что опасность идеологии возрастает многократно в тоталитарном или авторитарном обществе, когда она становится господствующей. Ее опасность не всегда ощущается индивидуальным и массовым сознанием благодаря многочисленным мифам, особенно историческим, которые расцветают пышным цветом в таких благоприятных условиях. Тогда вся историческая память может превратиться в один всеобъемлющий миф.

Научная идеология невозможна по определению. Идеология всегда есть выражение того или иного интереса, а наука должна быть незаинтересованной, беспристрастной, объективной. Если наука не объективна, это уже не наука. Даже если идеология преследует самые благие цели, она должна контролироваться наукой, иначе неизбежны неадекватные, заинтересованные интерпретации, которые порой сродни фальсификациям.

Из этого следует важный практический вывод с учетом современной украинской действительности, в особенности в русле избавления от коммунистического наследия как в идеологическом, так и в историко-памятном смысле. Украинский институт национальной памяти создан именно как идеологическая организация. Правда, в его формальной структуре есть научный сектор, но он далеко не на первом месте. Институт преследует самые благородные цели, и вообще проводит очень нужную работу по раскрытию преступлений тоталитарного режима. Однако сумеет ли он удержаться на объективных научных позициях, скажем, при анализе архивных свидетельств о болезненных точках нашей истории или при решении топонимических, историко-памятных проблем? Не произойдет ли подмена одной идеологии другой? Актуально в этом отношении высказывание выдающегося ученого, теоретика истории, специалиста по исторической памяти А.Мегилла: «Одна из функций исторической профессии состоит в том, что она всегда должна сопротивляться политической сиюминутности и исследовать прошлое с осторожностью и тщательностью, не обращая внимания на возможные последствия» [9, с. 103]. Разумеется, это идеал, который в развитой демократической стране стал научной нормой. Постсоветская научная действительность далека от такого идеала, особенно если учесть, что ученые-гуманитарии не так давно воспитывались бойцами идеологического фронта. Возможно, этим объясняется парадокс, что многие борцы против коммунистического наследия часто пользуются методами и аргументами тех, против кого сражаются. Безусловно сказывается и фактор информационной войны, навязанный извне. Немаловажно и то, что весьма мало людей, особенно в политике, которые понимают иллюзорность, слабые места и потенциальные

опасности любой идеологии, а не только воинственной и тоталитарной. Поэтому идеал научной объективности приобретает огромное значение. Идеалы научности, которые хорошо изучены [3], необходимо пропагандировать не только среди гуманитариев, но и среди идеологов и политиков, принимающих решения, в частности, в сфере исторической памяти.

Общий вывод из всего сказанного таков. Хотя без идеологии нет современного общества, однако идеология не должна превалировать над наукой. Более того, именно научное сообщество объективно и беспристрастно обязано контролировать идеологическую деятельность.

Список литературы:

1. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. — 328 с.
2. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. - 232 с.
3. Афанасьев А. И. Гуманитарное знание и гуманитарные науки. – Одесса: Бахва, 2013. – 288 с.
4. Афанасьев А. И., Василенко И. Л. Идеалы научности и формационный подход // Європейська наука ХХІ століття: стратегія і перспективи розвитку-2006: матеріали І Міжнародної науково-практичної конференції. – Дніпропетровськ: Наука і освіта, 2006. – Том 5. – С. 54-57
5. Герасимов О.В. Феномен исторической памяти // Вестник УРАО. – 2013. – № 5 (68) – С. 133-137.
6. Зашкільняк Л.О. Історична пам'ять та історіографія: методологічні аспекти взаємодії // Національна та історична пам'ять: Зб. наук. праць - Вип. 2. – К.: ДП «НВЦ «Пріоритети», 2012. – С. 218-233
7. Лотман Ю. М. Память в культурологическом освещении // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. - Таллинн, 1992. - С. 200-202.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. — М.: Политиздат, 1955. – С.7-544
9. Мегилл А. Историческая эпистемология. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. - 480 с.
10. Національна та історична пам'ять: Зб. наук. праць. – Вип. 2. – К.: ДП «НВЦ «Пріоритети», 2012. – 412 с.
11. Репина Л. П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). – М.: ГУ ВШЭ, 2003 – 44с.

Олександр Афанасьєв, Ірина Василенко.

ІСТОРИЧНА ПАМ'ЯТЬ: НАУКА ТА ІДЕОЛОГІЯ

Серед чинників, що формують історичну пам'ять, головна роль належить ідеології і науці, при переважному значенні ідеології, особливо за часів «перезавантаження» історичної пам'яті. Оскільки ідеологія висловлює певні інтереси, зростає небезпека неадекватності історичних оцінок. Необхідно підвищити роль об'єктивної і неупередженої науки в процесі формування історичної пам'яті.

Ключові слова: історична пам'ять, наука, ідеологія.

Oleksandr Afanasiev, Iryna Vasylenko

HISTORICAL MEMORY: IDEOLOGY AND SCIENCE

Among the factors forming historical memory, the main role belongs to ideology and science, with the predominant ideology, especially during the "reset" of historical memory. As ideology expresses certain interests, the danger of inadequate historical estimates increases. It is necessary to increase the role of objective and impartial science in the process of the formation of historical memory.

Ideology reflects national, class, group interests. It brings to the historical memory a certain system of values, emotionally loaded phenomena, sacral objects, forms and ways of grief, veneration, exaltation. For this purpose, ideology attracts myths and narratives. Objects of historical memory become a way of self-esteem, special pride, and often the focus of identity search. Ideologists and politicians carry out a memory correction, proceeding from certain ideological doctrines, which do not correspond to the norms of scientific character. Science, in particular, historical, should focus on the concepts of truth or intersubjectivity, historical reality and historical fact, the historical method and theory. Understanding of the latter can differ, which is an important subject of methodological analysis and requires the connection of philosophers, culturologists of historians, ethnographers. Historical science sometimes correlates historical knowledge with educational goals, which are conditioned by ideological and political guidelines. In this case, even when striving for impartiality, subjectivity of interpretations and departure from objectivity often prevail. Genuine science presupposes a conscious and comprehensive rejection of ideological, political, national, party bias.

Keywords: historical memory, science, ideology.

References

1. Assman A. (2014) Dlinnaya ten proshlogo: Memorialnaya kultura i istoricheskaya politika [A long shadow of the past: Memorial culture and historical politics], Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 328 p.
2. Assman A. (2016) Novoe nedovolstvo memorialnoy kulturoy [New dissatisfaction with the memorial culture], Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 232 p.
3. Afanasiev A. I. (2013) Gumanitarnoe znanie i humanitarnyye nauki [Humanitarian knowledge and science of humanities], Odessa, Bahva, 288 p.
4. Afanasiev A.I., Vasilenko I. L. (2006) Idealyi nauchnosti i formatsionnyy podhod [Ideals of scientific character and the formation of the approach], Evropeyska nauka XXI stolitya: strategiya i perspektivi rozvitku-2006: materialy I Mizhnarodnoyi naukovo-praktichnoyi konferentsiyi. Dnipropetrovsk, Nauka i osvita, 2006, Tom 5, P. 54-57.
5. Gerasimov O.V. (2013) Fenomen istoricheskoy pamyati [Phenomenon of historical memory]. Vestnik URAO, № 5 (68), P. 133-137.
6. Zashkilnyak L.O. (2012) Istorichna pam'yat ta istoriografiya: metodologichni aspekti vzayemodiyi [Historical memory and historiography: methodological aspects of interaction]. Natsionalna ta istorichna pam'yat. Zb. nauk. prats. Vip. 2, Kiev, DP «NVZ «Prioriteti», P. 218-233
7. Lotman Yu. M. (1992) Pamyat v kulturologicheskom osvetschenii [Memory in culturological illumination]. Lotman Yu.M. Izbrannyye stati. T. 1, Tallinn, P. 200-202.
8. Marks K., Engels F. Nemetskaya ideologiya [German ideology]. Marks K., Engels F. Soch. T. 3, Moscow, Politizdat, 1955, P.7-544.
9. Megill A. (2007) Istoricheskaya epistemologiya [Historical epistemology], Moscow, «Kanon» ROOI «Reabilitatsiya», 480 p.
10. (2012) Natsionalna ta Istorichna pam'yat [National and historical memory]. Zb. nauk.prats, Vip. 2, Kiev, DP «NVZ «Prioriteti», 412 p.

11. Repina L. P. (2003) Kulturnaya pamyat i problemy istoriopisaniya (istoriograficheskie zametki) [Cultural memory and the problems of historiography (historiographical notes)], Moscow, GU VShE, 44 p.

Стаття надійшла до редакції 20.04.2017